

ненности в древней Руси песен, близких по типу к традиционным частым веселым (а может быть и сатирическим), записанным в XVIII—XX столетиях. Однако едва ли на древних игрищах исполнялись песни «развлекательного» характера, скорее всего такие пляски и песни также первоначально выполняли заклиательную функцию. Вопрос о генетической связи плясовых песен с обрядовыми в работе не поставлен, упоминается только сходство их структуры.

Можно сделать автору упрек в неточности некоторых употребляемых терминов. Так, на стр. 148 не дано четкого понимания сюжета песни, в некоторых случаях сюжет подменяется содержанием; на стр. 236 все приведенные образы песен именуются «метафорами», между тем как они принадлежат к сравнениям: «сободем все места прошла» и др. Едва ли следует выделять понятие «короткая метафора типа эпитета» (стр. 237, 238), может быть лучше говорить просто об эпитете.

Вообще же исследование Н. П. Колпаковой о русской народной бытовой песне, где достигнуты интересные выводы относительно классификации и поэтических особенностей различных видов лирических и других песен, намечены пути их дальнейшего исторического изучения, сравнительного исследования поэтики, выяснения специфики песни русской и других славянских народов, представляет ценный вклад в изучение песни. Можно надеяться, что, отправляясь от того, что уже установлено в рецензируемой книге, дальнейшие исследователи песни пойдут по пути ее исторического и сравнительного изучения.

И. Колесницкая

СОБРАНИЕ ПЕСЕН БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Michał Federowski. Lud białoruski. Materiały do etnografii słowiańskiej, zgromadzone w latach 1877—1905; т. V. Pieśni, Warszawa, 1958; т. VI, Warszawa, 1960.

Среди дореволюционных исследователей белорусского народного устного поэтического творчества одно из первых мест принадлежит польскому этнографу и фольклористу Михалу Федеровскому (1853—1923 гг.). Более четверти века посвятил он изучению фольклора западных областей Белоруссии. Результатом этого явилось издание в 1897, 1902, 1903 гг. первых трех томов его фундаментального труда «Lud białoruski» («Белорусский народ»), которые включали 3816 записей сказок, преданий, легенд, анекдотов, поверий. В 1935 г., уже после смерти Федеровского, вышел в свет IV том, содержащий свыше 13 000 пословиц, поговорок, фразеологизмов и т. п. Однако и это издание далеко не исчерпало всех материалов, собранных Федеровским. В архивах последнего хранилось еще около 200 000 различных фольклорных и этнографических записей.

Незавершенность труда «Lud białoruski» особенно ощущалась в связи с отсутствием публикаций песенного творчества — одного из самых ярких и оригинальных проявлений духовной жизни белорусского народа. Учитывая это, польские ученые во главе с А. Обрембской-Яблонской подготовили и издали в 1958 и 1960 гг. V и VI тома работы Федеровского, посвященные исключительно народному песенному творчеству. О масштабах и ценности этой работы говорит уже то, что в обоих томах помимо 4171 записи текстов песен приводится около 1500 музыкальных записей — явление редкое в белорусской фольклористике.

Публикуемые материалы имеют более чем полувековую давность и отражают определенный исторический уровень развития фольклористики. Работа Федеровского представляет собой пример глубокого исследования развития белорусского устного поэтического творчества. О том, насколько верно подметил он наиболее характерные явления в белорусском фольклоре второй половины XIX в., красноречиво говорят его замечания об изменениях, происходивших в жанровом составе рассматриваемых им произведений. Подчеркивая обилие фантастических, волшебных сюжетов, Федеровский в то же время чувствовал несоответствие между подобными произведениями и изменяющимся мировоззрением народа, считал это творчество уходящим из народного репертуара, что и подтвердилось последующим развитием белорусского фольклора. «В результате четвертьвековых исследований, — пишет Федеровский, — я пришел к убеждению, что местное население с гораздо большим интересом относится к творчеству реальному, тогда как произведения абстрактные постепенно исчезают, либо с течением времени теряются под влиянием цивилизации; морально-бытовые (особенно сатирические) очень распространяются и даже умножаются»¹.

¹ M. Federowski, Lud białoruski na Rusi Litewskiej, т. II, Kraków, 1902, стр. XI.

Для Федеровского-фольклориста характерно стремление проникнуть в психологию белорусского народа. Попад в 1877 г. в Белоруссию, он, по собственному признанию, прежде всего взялся за детальное изучение языка, быта и обычаев народа и достиг в этом немалых успехов. Все записи М. Федеровского точно передают фонетические, морфологические и лексические особенности языка и могут быть использованы лингвистами как достоверный фактический материал.

Содержание V и VI томов, чрезвычайно разнообразное в жанровом, тематическом и лексическом отношении, отражает один из основных принципов собирательской деятельности М. Федеровского. Еще во вступлении к I тому он подчеркивал: «Записывал я все без исключения, даже каждое незначительное явление и искорку мысли человеческой»². Благодаря этому мы имеем сейчас возможность познакомиться со множеством интереснейших произведений белорусского народного творчества, слабо или совсем не представленных в других собраниях. Особенно ценны в этом отношении произведения с антикрепостнической и антирелигиозной направленностью; большой научный интерес представляют песни, в которых нашли отражение исторические события (№ 2020, 2021 и др.).

Вместе с тем указанный принцип отбора материала не мог не вызвать известных трудностей при общей оценке и характеристике белорусского народного творчества. Так, в VI томе слишком много места занимают песни флигового содержания, что, конечно, создает неверное представление о действительном месте подобных произведений в народном репертуаре белорусов. Зато публикация песен польских и русских, бытовавших среди белорусов, представляется весьма интересной с точки зрения всесторонней характеристики песенного репертуара и выявления того «мостика», который сближает песенное искусство различных славянских народов. Здесь ярко проявляются и музыкально-интонационная близость, и родство сюжетно-тематическое и, наконец, общие законы народной поэтики.

Песни, особенно календарного и обрядового циклов, широко представлены почти во всех дореволюционных сборниках белорусского фольклора. Но несмотря на это, записи Федеровского вводят в научный оборот много новых, еще неизвестных материалов, особенно по свадебной поэзии. Как в V, так и в VI томе встречаются песни, возникновение которых было вызвано эпохой развивающегося капитализма (№ 60, 1917, 1918). Особенно следует подчеркнуть обилие в VI томе записей белорусских частушек — жанра, которому фольклористы — современники Федеровского — не только почти не уделяли внимания, но и попросту игнорировали его, видя в частушках лишь «разложение» настоящего народного искусства. Между тем, наличие у Федеровского записей мелодий частушек дает богатые возможности для исследований в области формирования нового стиля в белорусской народной музыке. На примере этих коротких и зачастую незамысловатых напевов ясно прослеживается линия постепенного преобразования традиций народного мелоса, освоение таких средств, как функционально-гармоническая система. Ценный материал имеется в VI томе и для характеристики белорусского народного танцевального искусства — раздел, также слабо представленный у других собирателей.

Музыкальные записи песен в обоих томах сделаны сотрудничавшими с М. Федеровским музыкантами Иоахимом Трачиком, Яном Карловичем (отцом известного композитора Мечислава Карловича) и Лидией Потуловой. Наиболее отвечающими стилю белорусского народного песенного творчества являются записи Карловича. Насколько слабее этот стиль чувствуется в записях Трачека, где заметно влияние польской музыкальной культуры. Это проявляется и в ритмике (использование типичных ритмов польских народных танцев — мазурки, оберака), и в ладовой структуре (использование интонаций лидийского лада), хотя многие из записей Трачека были сделаны в районах, относящихся уже к центральной части Белоруссии (Ганцевичский и Клецкий). Записи Лидии Потуловой ближе к записям Карловича, хотя и в ее материалах есть отдельные примеры, выходящие за интонационное содержание белорусского песенного творчества. Трудно сейчас сказать, были ли эти различия вызваны случайными обстоятельствами, или же каждый из музыкантов сознательно отбирал материал определенного мелодического стиля. Во всяком случае в записях всех трех музыкантов подчеркнута интонационная близость между белорусской и польской мелодикой. Вместе с тем во всех этих записях нашли отражение и многие специфические черты белорусской мелодики, черты, которые порою оставались незамеченными в других дореволюционных сборниках. Внимательное отношение к исполнительским приемам пения позволило зафиксировать в работе Федеровского такие особенности, как характерные глоссандирования (скольжения) в конце музыкальных фраз, переменность терции лада как один из важнейших приемов образной выразительности белорусской народной песни, и др.

Особенно разнообразно представлены в работе М. Федеровского песни «любобной» тематики. Напевы многих из них (№ 236, 256 и др.) являются примером глубокого

² M. Federowski, *Lud białoruski*, т. I, Kraków, 1897, стр. IX.

лирического чувства, пластичности и широкой распевности мелодики. Имеются песни и драматического плана, в основном балладные, широко распространенные в Белоруссии в XIX — начале XX в. Вполне закономерно отводится большое место свадебным песням — действительно наиболее богатому и многообразному жанру белорусского песенного творчества. Такие мелодические образцы, как, например, свадебный причет (№ 937) или свадебные марши (№ 916, 917), значительно дополняют наши представления об эмоционально-образной дифференциации песен свадебного цикла. Вместе с тем, если брать все указанные свадебные мотивы в совокупности, может броситься в глаза некоторое их интонационное единообразие. По существу многие из этих напевов являются весьма и весьма близкими вариантами. В этом проявляется еще одна характерная особенность раннего традиционного творчества белорусов, а именно — наличие в нем так называемых «типовых» напевов, в данном случае свадебных. Подобные « типовые » напевы являются обобщенным выражением определенного эмоционального состояния или конкретного свадебного ритуала и могут, с небольшими изменениями, объединять громадное количество различных текстов, раскрывающих во всем многообразии данное эмоциональное состояние или ситуацию.

Среди музыкальных записей, помещенных в рецензируемых томах, часто встречаются ранние варианты песен, ныне широко бытующих в западных районах Белоруссии. Вообще мелодический материал в работе «*Lud białoruski*» дает широкие возможности для экскурсов в историческую стилистику белорусской народной музыки, тем более, что обилие материала и систематичность охвата им определенной территории позволяют проследить формирование местных особенностей, что является одной из важнейших задач современной белорусской фольклористики.

Приветствуя ценную инициативу наших польских друзей, предпринявших столь кропотливую и трудоемкую работу по опубликованию материалов известного польского ученого, хочется пожелать им успехов в работе над подготовкой следующих томов этого капитального труда.

В. Елатов, К. Кабашичков

Загадки. Упорядкування, вступна стаття та примітки І. П. Березовського («Українська народна творчість»). Київ, 1962, 511 стр.

Одной из задач современной фольклористики является научное и по возможности полное издание произведений устного народного творчества. Эту задачу в области одного из фольклорных жанров выполняет изданный Академией наук Украинской ССР в серии «Украинское народное творчество» сборник «Загадки», подготовленный И. П. Березовским.

Содержание сборника составляют тексты украинских народных загадок, впервые собранные и изданные в таком количестве и снабженные научным комментарием. Это первый свод украинских народных загадок, сделанный очень внимательно, с учетом всех существовавших до того публикаций и имеющихся архивных материалов.

Вступительная статья удачно характеризует помещенные в сборнике загадки, раскрывает принципы расположения материала в сборнике и не только дает обзор изучения и собирания украинских народных загадок, общую характеристику жанра, но и ставит интересные проблемы его дальнейшего исследования, разработка которых (на материале загадок) может дать существенные результаты и для истории фольклора вообще. Так, немаловажное значение имеет проблема связей литературы и фольклора, как в общепринятом аспекте изучения влияния фольклора на литературу, так и в вопросе о переходе литературного произведения в устное бытование. Очень важна также проблема, поднятая во вступительной статье к сборнику, — о сходстве украинских, белорусских и русских загадок. Исследование ее значительно облегчается, когда мы имеем достоверный и хорошо прокомментированный материал для сопоставлений. Такой материал и дает рецензируемый сборник. Нужно надеяться, что и по загадкам других славянских народов будут изданы подобные же сборники. Отсутствие их очень затрудняет работу. Во вступительной статье поставлен и другой актуальный вопрос — современное состояние, судьба жанра загадок в наше время. Справедлив и хорошо аргументирован вывод автора статьи о том, что загадки не только не исчезают, не вымирают в наше время, но широко бытуют и создаются вновь.

Загадки в сборнике внимательно отобраны и поданы в стройной, продуманной системе. Несмотря на это, расположение материала все же вызывает некоторые замечания. Весь сборник делится на «Дожовтневий період» и «Радянський період». Знакомство с загадками этих разделов прежде всего вызывает вопрос — по какому признаку отбирался материал для раздела «Радянський період»? Как определял составитель, что следует включить в этот раздел? По отношению к некоторым загадкам возникает вопрос — почему они здесь находятся. Так, например, почему загадка № 3523 о само-